

Ольга Ивановна Цыбулевская*

Государственная власть: нравственное измерение**

Перед лицом глобальных процессов этические предпосылки, моральные движущие силы в политике приобретают, по сути, значение категорического императива.

Проблема взаимодействия политики (власти), морали и права волновала умы мыслителей на протяжении столетий. О проблеме моральности политики писали отечественные ученые – Н. А. Бердяев, А. А. Богданов, Н. И. Бухарин, И. А. Ильин, Г. В. Плеханов, В. С. Соловьев и другие авторы, а также современные российские ученые-правоведы. Исследователи таких сложных институтов, как право, государство, политика, и отношений, опосредующих их воплощение, должны рассматривать их взаимодействие не только на теоретико-методологическом уровне, но и в практически-прикладном плане.

Перед политикой всегда стоит проблема выбора «меньшего зла», т. е. достижения целей средствами, смягчающими неизбежные кризисные

* Заведующий кафедрой теории права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, профессор.
E-mail: olga77.54@mail.ru.

** Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-00352.

ситуации, возникающие при урегулировании конфликтов; ей присуще стремление достигнуть желаемого за счет меньшей социальной цены сохранения мира и гражданского согласия. Однако, как писал М. Вебер, «ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель освящает этически опасные средства и побочные последствия»¹.

В идеале нравственность и политика не должны расходиться, но на практике мы наблюдаем иное². Усиление негативных тенденций в сфере политики — результат общего падения морали в обществе, девальвации социальных норм, моральных ценностей, в том числе (а может быть, прежде всего) в элитных слоях. К сожалению, редко кто из политиков в своих выступлениях поднимает проблемы морального порядка, произносит значимые фразы о чести, достоинстве. А ведь слово авторитетного человека, которому доверяет большинство избирателей, всегда весомо. М. Краснов в связи с этим замечает, что у нас, к сожалению, «сфера духа» оказалась частью экономики³.

В ценностный вакуум, нравственную пустоту, образовавшуюся в 90-х гг. XX в., из Европы и Америки хлынули не отобранные веками нравственной эволюции образцы морали, права и поведения, а весьма сомнительные ценности. Нередко самые худшие. Те, от которых в Европе давно отказались. Нравственные ориентиры утрачены не только народом. Еще в большей степени они утрачены элитой. На фоне этой вакханалии власть пытается читать народу «лекции» о великом предназначении России, о патриотизме, о служении обществу, о всенародном единении. Идет всероссийский идеологический молебен. Но молебен есть, а паствы нет. «Скрижали» украли и вывезли за границу⁴.

Нравственность как один из факторов, определяющих уровень социальной и демократичности государства, его авторитет, играет особую роль в формировании доверия общества к государству. Без этого невозможны устойчивое и эффективное развитие страны, ее конкурентоспособность в мировом сообществе. Об этом должна помнить власть и ее лидеры, если они действительно озабочены тем, чтобы страна была стабильной и жизнеспособной. Соглашаясь с высказанным на международном круглом столе на тему «Народ и власть в российской Смуте» (Институт социологии РАН, 23 октября 2009 г.) мнением о том, что «современная власть занималась и занимается самообеспечением, самообслуживанием, поэтому она не в состоянии предложить консолидирующую и мобилизующую идею», В. Т. Кабышев отметил, что «наша культура, менталитет, привычки, традиции прошлого довлеют над нами неизмеримо сильнее всяких конституционно-правовых запретов, независимости судебной власти и т. д. *Дух фактического властвования* сегодня — вот психология власти в России»⁵.

Очевидно, что права и свободы россиян не могут эффективно реализовываться, если государство не выполняет перед ними своих обязательств, не несет

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М., 1990. С. 697–699.

² См.: Матузов Н. И. Право и политика в их взаимодействии // Российская правовая политика / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2003. С. 44.

³ См.: Краснов М. А. ...И один праведник // Российская газета. 2003. 3 июля.

⁴ См.: Костиков В. Кто украл скрижали? Россию захлестнул нравственный кризис // Аргументы и факты. 2013. № 9.

⁵ Кабышев В. Т. Психология власти: механизм реализации и ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. Саратов, 2010. С. 216.

ответственности за непродуманные действия. В то же время личность и общество сами должны быть ответственны за свою собственную судьбу и судьбу государства. Л. С. Мамут в связи с этим замечает, что этически недопустимо взваливать все беды на народ. Это вовсе не значит, что народ ни за что не отвечает. «В широком общественно историческом плане он и только он весь, включая всех входящих в него политиков, чиновников, олигархов, идеологов и проч., несет ответственность за свое жизнеустройство». Однако истинным данное утверждение, поясняет автор, делается лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно берется в органическом единстве с тем принципом, что *составляющие народ* несут разную (и по форме, и по степени) ответственность в зависимости от игровых (сыгранных) ими моральных, политических, правовых и других ролей¹.

В современных условиях возникает аномия, характеризующаяся разрушением нравственных норм. В значительной степени это происходит под влиянием наблюдаемых и переживаемых людьми фактов несправедливости, грубости, жестокости, а также нечестных поступков и неодобряемых официальной моралью норм поведения, которые сплошь и рядом оказываются на практике выгодными и даже поощряются друзьями, сослуживцами, а иногда и представителями власти. Особенно значима в формировании личности роль государственных решений, которые подчас оказываются ошибочными и несправедливыми. Все это постепенно убеждает субъекта в ничтожности общественной морали, бессилии права и далее ведет его к противопоставлению себя нравственным и правовым нормам². В обществе искаженных символов и ориентиров искажается и любая политическая претензия.

У людей оказалось потеряно ясное представление о самих себе, о долгосрочных целях и ценностях. Россиянам сложно осознать себя предметно и целостно как в современном мире, так и по отношению к прошлому. В политологической литературе особое внимание уделяется глобальным духовным проблемам: обсуждаются вопросы формирования единой исламской нации, мировоззренческих основ православной цивилизации, евразийской традиции и т. п. При этом вопросы экономического характера уходят на второй план. Общеизвестно, что основной причиной современной политической дезинтеграцией российского общества стал кризис идентичности, в том числе правовой. Разрушение ее повлекло за собой распад всех традиционных для российского общества социальных институтов, привело к формированию извращенного образа свободы, противостоящего всему объективно закономерному, всему дисциплинирующему. Но извращенно понятая свобода находится в диссонансе не с той или иной конкретной исторической формой государственности, а с *элементарными правилами*, имманентными любому государственному состоянию общества.

Само государство нередко способствует возникновению «теневых» отношений, разного рода «серых схем» ухода от налогов, поиску обходных путей. Несмотря на существующие запреты, многие должностные лица занимаются предпринимательской деятельностью, входят в состав руководящих структур различных акционерных обществ, правлений, банков, советов директоров. Вследствие этого они получают реальную *возможность* лоббирования, а нередко и прямой поддержки интересов «курируемых компаний», получая солидную плату за оказываемые услуги, т. е. фактически используют

¹ См.: Мамут Л. С. Народ в правовом государстве. М., 1999. С. 84.

² См.: Кудрявцев В. Н. Избранные труды : в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 412.

*неправомерные возможности*¹. С этих позиций и с точки зрения ухудшающегося интеллектуального и нравственного здоровья общества последнее десятилетие следует признать временем упущенных возможностей².

Необходим критический и продуктивный пересмотр существующих правовых реалий. Основной выход из создавшегося положения находится в ювелирной гармонизации сложных двуединых задач: свободы и необходимости, свободы и социально-правового регулирования (контроля), эффективности и гуманности борьбы с преступностью и строжайшим соблюдением прав человека. Предстоит сложнейшая работа для изменения стиля мышления, психологии, восприятия, нравственных оценок, происшедших в государстве перемен³. В условиях системного российского кризиса произошел «резкий перекося» в сторону материально-правовой разнovidности стимулов, нередко в ущерб морально-правовым факторам. Сформировалась очередная крайность — переход от абсолютизации моральных стимулов к абсолютизации материальных. Между тем последние не являются всеобъемлющими; они «работают» наиболее эффективно лишь при разумном сочетании с первыми⁴.

Очевидно, что та безбрежная свобода, которой мы располагаем, во многом связана с ослаблением нравственного иммунитета общества. Признавая за человеком моральную свободу (свободу выбора), мораль возлагает на него ответственность за выполнение или невыполнение требований нравственности. Нравственный потенциал личности включает в себя не только добрую волю, чувство и сознание долга, но и личную ответственность за свое умение выполнять требование морали наиболее эффективным способом (способом соответствия моральных целей, нравственных средств и этических результатов).

Данные социологических исследований (взяты в сравнении 1989 г. и 2008 г.), посвященные вопросам моральной ответственности, свидетельствуют о том, что практически вдвое сократилось количество россиян, признающих эту ответственность за другими людьми; готовых брать на себя личную моральную ответственность за действия своего правительства (с 15 % в 1989 г. до 7 % в 2008 г.), за происходящие в стране события (20 % в 1989 г. и 10 % в 2008 г.). В сферу моральной ответственности сегодня включены по большей части только близкие родственники и члены семьи. Такое положение вещей — следствие затяжного морального кризиса в российском обществе, приведшего в конечном итоге к заметному сужению зоны моральной ответственности и расширению соответственно сферы безответственных поступков и действий людей. Данные выводы в полной мере относятся и к субъектам власти⁵.

¹ См.: Матузов Н. И., Ушанова Н. В. *Возможность и действительность в российской правовой системе*. Саратов, 2010. С. 388.

² Об этом см.: Чернышев Б. *Преодолеть исторический «склероз» политических элит российского общества*. Саратов, 2013. С. 88–89.

³ См.: Рыбаков О. Ю. *Личность и правовая политика в Российском государстве*. Саратов, 2003. С. 4. См. также: Нижников С. А. *Мораль и политика в контексте духовных и интеллектуальных ценностей*. М., 2011; Оболонский А. В. *Мораль и право в политике и управлении*. М., 2006; Шапиро И. *Моральные основания политики*. М., 2004; Цыбулевская О. И. *Нравственные основания права*. Саратов, 2004; Лихачева Е. А., Коваль Н. А. *Акмеологическая модель развития нравственных ценностей специалистов-управленцев*. Тамбов, 2011.

⁴ См.: Малько А. В. *Стимулы и ограничения в праве. Теоретико-информационный аспект*. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 220.

⁵ См.: URL: <http://www.levada.ru/press> (дата обращения: 25.02.2014).

Рассуждая о моральной ответственности, А. В. Прокофьев затрагивает деликатную и вместе с тем сложнейшую проблему совмещения моральной безукоризненности индивида, общего блага и блага Другого. Речь идет о выявлении критерия, позволяющего определить *основание* и *степень* нравственной ответственности. Возникает вопрос: может ли в роли такого *абсолютного* критерия выступать общеизвестная кантовская формула «долженствование предполагает возможность»? Распространяется ли действие данного принципа на политическую сферу?

Над «человеком морали» довлеет главная цель — сохранение собственной самодостаточной праведности. Эта цель отодвигает в тень реального Другого, что создает искаженный образ добра и зла¹. Следует согласиться с тем, что моральный альтуризм индивида в основном замкнут на собственном интересе, хотя и требует формирования соответствующих мотиваций у других субъектов.

И. А. Ильин, критикуя учение Л. Н. Толстого как раз за «моральный эгоцентризм», за невозможность выйти за пределы нашей праведности и недопустимость сопротивления злу насилем, доказывает, что долг морального человека выходит далеко за пределы его возможностей. В частности, он пишет: «Сентиментальный моралист “любит” только до пределов своей моральной праведности. За спасение “любимого” он согласен отдать в крайнем случае жизнь, но не свою моральную безукоризненность... [Но] если бы акцент любви лежал не на самом любящем субъекте, а на любимом предмете, то... спасающий спас бы любимого, не рефлектируя на возможный грех и не трепеща перед своей возможной моральной небезукоризненностью... Он отложил бы моральный суд над собою и этот несвоевременный суд не поверг бы его в момент действия в раздвоенность, колебание и практическое предательство»².

Высказанные суждения имеют непосредственное отношение к этической проблеме соотношения целей и средств, нашедшей отражение и в сфере права, и в сфере политики. Как писал М. Вебер, «ни одна этика в мире не может сказать: когда и в каком объеме этически положительная цель освящает этически опасные средства и побочные последствия»³. В таком случае, если нас не устраивает полная безответственность политика, действующего исключительно по убеждению, продолжает А. В. Прокофьев, остается либо провозгласить политическую деятельность как таковую запретной для нравственного человека, либо пересмотреть роль рассматриваемого принципа и ужесточить основания ответственности⁴.

М. Вебер идет по второму пути. Как замечает П. Брейнер, веберовскому политику по призванию вменяется применять решение там, где существует

¹ См. подробнее: *Прокофьев А. В. Долженствование и возможность* // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 69–85. На наш взгляд, такое название указанной формулы наиболее удачно, т. к. полностью отвечает смыслу, который вкладывается в нее, хотя существуют более буквальные русские переводы: например, «“должно” подразумевает “могло”» (Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999. С. 333) или «“следует” влечет “можно”» (Рольз Дж. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 211).

² *Ильин И. А. О сопротивлении злу силою* // Путь к очевидности. М., 1993. С. 50.

³ *Вебер М. Указ. соч. С. 697–699.*

⁴ См.: *Breiner P. Max Weber and Democratic Politics. Ithaca-L.: Cornell University Press, 1996. P. 174–175.*

большой риск совершить действие с этически сомнительными последствиями, зависящими от случайности, однако случайность последствий не становится извинением при нравственной оценке политика.

В современной литературе отмечается, что абсолютизация средств деятельности, превращение их в самоцель — потенциальная опасность для любой развивающейся целенаправленной социальной системы. Она актуальна для всех государств и, в частности, для современной России, где государственно-правовой механизм находится в условиях кризиса, а властные круги не имеют четких, понятных, реальных ориентиров развития¹.

А как обстоит дело с данным вопросом в правовой сфере? «Без использования определенного минимума безнравственных средств, — пишет ученый-специалист в области уголовного права и криминологии В. С. Устинов, — общество не может обойтись. В связи с этим я не могу, как Л. Н. Толстой, отрицать права на существование уголовной кары, так же как власти и государства. Я лишь выступаю против ложного постулата “законно — значит нравственно”»².

Но использование безнравственных средств должно быть обставлено жестким частоколом демократических процедур и общественного контроля. хотим мы или не хотим, но все законы, даже основанные на понимании права как справедливости, не могут быть нравственными. И эта тяжелая необходимость способствует поиску эффективных нравственных средств борьбы со злом. От ученых, в особенности юристов, во многом зависит сведение к минимуму использования безнравственных средств для обеспечения безопасности личности и общества. Необходимо стремиться к тому, чтобы законы были как можно более нравственными.

Сложное взаимодействие морали и политики наблюдается и в практически-прикладном плане. В реальной жизни моральные и правовые цели и средства, с одной стороны, «подпитывают» друг друга, а с другой — могут вступать в противоречия. Полностью разрешить противоречия между политикой и моралью невозможно. В то же время вполне реально придать этому конфликту цивилизованную форму, подключив к ним право.

Мораль, по мнению А. А. Гусейнова, «...обозначает как бы верхний предел человеческого бытия, то духовное пространство взаимоуважительности, внутри которого только и возможна сложно-расчлененная, кооперированная, разумная и ответственная жизнь. Она по предназначению является наиболее общим условием согласия, сотрудничества между людьми»³.

Моральная оценка имеет свои особенности. Тот, кто выносит ее, должен быть сам морально безупречным или, по крайней мере, обладать в этом отношении особой компетенцией, подобно тому, например, как это происходит с юридическими оценками. Однако верно подмечено, что характерной особенностью морально совершенного человека является сознание собственного несовершенства, не позволяющего ему становиться в позу судьи, учителя. В противном случае мы сталкиваемся с феноменом моральной демагогии, разрушительная суть которой в том, что она содержит в себе селекцию по нравственному критерию. Развести людей по разные стороны этической баррикады — значит

¹ См.: Малько А. В., Шундинов К. В. Цели и средства в праве. Саратов, 2003. С. 24–25.

² Цит. по: Законодательство Российской Федерации: теоретически вопросы, проблемы и перспективы : материалы круглого стола // Государство и право. 1992. № 10. С. 11.

³ Гусейнов А. А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 11.

провести между ними такую пропасть, которую уже невозможно преодолеть. Моральная демагогия — это квазивыход из антиномии «нравственная цель» и «безнравственные средства». Сам факт моральной демагогии создает духовную ситуацию, в которой насилие оказывается больше чем допустимым злом, оно становится прямой обязанностью. Непоправимый вред обществу в целом и индивидам в частности наносит, по мнению А. А. Гусейнова, моральная демагогия власть имущих¹.

Ближайшими «спутниками» моральной демагогии являются правовая демагогия, политический и правовой популизм, получившие широкое распространение в современной России. К основным формам проявления правовой демагогии можно отнести следующие: требование принять закон, который в принципе не может быть объектом юридической регуляции; искусственное противопоставление друг другу различных по юридической силе нормативных правовых актов; не основательная, не аргументированная, а сугубо эмоциональная критика Конституции РФ либо иных законов государства; выдача «квалифицированного молчания» законодателя за опасный и умышленный пробел законодательства; акцент на права человека при полном забвении других юридических и общечеловеческих ценностей; предложения о необходимости и полезности «сотрудничества» власти и мафии; подмена юридической аргументации при оценке того или иного правового явления, процесса, состояния моральными доводами, т. е. сознательная этическая «перегруженность» языка закона либо его реализации; сознательное принятие декларативных по форме и глубоко демагогических по содержанию нормативных правовых, в том числе законодательных актов².

В свете изложенного особую остроту и актуальность приобретает проблема ответственности государственных деятелей, политических лидеров, «вождей», «первых лиц» за принимаемые ими решения. Потенциальные возможности морали, религии, политики, права аккумулируются в *механизме ответственности*. В современной России проблема социальной ответственности стоит как никогда остро. Для нормального функционирования общества важны все ее виды: религиозная, моральная, политическая, юридическая и другие. Социальной ответственности в целом характерно чувство долга, но оно выступает только одним из ее признаков, а поведение индивида регулируется не только моральными, но и правовыми, религиозными, политическими нормами. Соответственно существуют такие же виды социальной ответственности.

К моральной ответственности властных субъектов, так же, как и граждан, можно отнести ответственность за нарушение этических норм. Моральная ответственность носит самостоятельный характер. Суть моральной ответственности как средства, сдерживающего, ограничивающего противоправное деяние властного субъекта, вытекает из специфических свойств морали, о которых речь шла выше. Такая ответственность проявляется в соответствии деятельности субъекта внутреннему долгу. Последний выражается в осознанном или подсознательном принятии обязательств перед собой и перед обществом, способности и готовности отвечать перед собой, перед другими людьми, коллективом, обществом за свои поступки, за последствия своих действий в случае отклонения от установленных норм.

¹ См.: Гусейнов А. А. Указ. соч. С. 8.

² См. подробнее: Баранов В. М. Правовая демагогия // Вопросы теории государства и права: межвуз. сборник науч. трудов / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов, 2000. Вып. 3. С. 49–50.

В структурном отношении моральная ответственность в сфере реализации власти представлена: индивидуальным *субъектом* и государством в целом. Ее *объектом* выступают интересы личности, общества, государства. *Субъективная* сторона ее выражена в представлениях субъекта власти о своей роли и месте в структуре государства и общества; в осознании необходимости действовать в соответствии с принятыми этическими требованиями и нормами; в сознательном и добровольном принятии на себя морального обязательства полностью подчинить свою деятельность служению обществу и государству; в способности предвидеть социальные последствия своих решений, действий и поступков; в готовности нести ответственность за все свои не только противоправные, но и неэтичные действия; в стремлении к максимальной саморегуляции и самоконтролю. *Объективная* сторона выражена в форме морально одобряемых действий¹.

В нашем обществе безответственность должностных лиц продолжает вуалироваться моральной демагогией, которая, являясь продолжением некомпетентности, «призвана как бы компенсировать и скрыть тем самым действительные причины того или иного деяния. Она превращает преступление в злодеяние, растворяет конкретную ответственность во всеобщей вине»².

С точки зрения практической реализации ответственность государства плавно перетекает на органы государственной власти и их должностных лиц, поскольку именно к ним могут быть применены санкции за нарушение конституционных норм. Поэтому государство как особый субъект конституционной ответственности, по справедливому утверждению, может нести ответственность субсидиарно, в качестве гаранта ответственности государственных органов или должностных лиц³. Нельзя опускать и *этический* аспект рассматриваемой проблемы. «Осуждение» государственных органов, должностных лиц (особенно высшего ранга) требует максимальной осторожности, взвешенности, обоснованности, действий по принципу «не навреди».

Целесообразно было бы дополнить Основной Закон страны положением об ответственности государства, органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, граждан и их объединений за ее нарушение, т. е. четко установить круг субъектов конституционной ответственности. Считаю, что принятие Федерального конституционного закона «О конституционной ответственности» ждет своего часа.

В целях упорядочения системы ответственности всех субъектов государственного управления, и в первую очередь государственных органов, должностных лиц, включая и лиц высокого ранга, реализующих функции распорядительно-исполнительного характера, целесообразно разработать эффективную научную концепцию правовой ответственности государства, его органов и служащих.

Вектор *морального* влияния политических сил, в первую очередь правящих элит, оказывает бесспорное влияние на успех всей реформы. К действительно

¹ См.: Цыбулевская О. И., Милушева Т. В. Публичная власть: взаимодействие юридической и нравственной ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / Н. И. Матузов, А. В. Малько, В. Т. Кабышев и др.; под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. Саратов, 2011. С. 122.

² Гусейнов А. А. Указ. соч. С. 9.

³ См.: Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации М., 2002. С. 400.

демократическому государству призвана вывести нас политическая элита. Она задает «азимут» экономической и правовой политики. К сожалению, постсоциалистическая эпоха не породила настоящую духовно-нравственную элиту общества, зрящую на перспективу, смелую и подвижническую¹.

Один из факторов формирования морального климата в стране — развитие прикладной этики, профессиональных кодексов. Положительное значение этических кодексов, во-первых, состоит в том, что они привлекают внимание индивидов к их моральному статусу. Во-вторых, они дают представления о ценностном содержании этической теории², не подменяя ее. Подчеркивая особую роль профессионального этического кодекса в своем ведомстве, глава Счетной палаты С. В. Степашин отметил, что в 2011 г. на основании нарушения данного документа Счетную палату покинуло 12 человек³. Не стоит строить иллюзий, что все этические стандарты будут неукоснительно исполняться, но сам факт их принятия призван создать благоприятный психологический климат, цивилизовать рынок, формировать менталитет. Это лишь первый, но очень важный шаг на пути формирования этики будущего.

В обеспечении морали многое зависит от людей, занимающих высшие государственные должности. Именно активное присутствие во власти морально-ответственных личностей (людей, деятельность которых направлена, прежде всего, на достижение общего блага) и может обеспечить реальное привнесение в политику и право этических ценностей.

Само общество также должно стремиться к духовному обновлению. Импульс этому процессу может дать только обретение *личного достоинства* и *личной ответственности* свободного человека, страдающего от несвободы тех, кто еще не осознал ее необходимость.

Пристатейный библиографический список

1. Breiner, P. Max Weber and Democratic Politics. Ithaca-L / P. Breiner.: Cornell University Press, 1996. — P. 174–175.

2. Затонский, В. А. Правовая культура — необходимый ресурс модернизации российской государственности // Правовая культура. — 2012. — № 1. — С. 31–41.

3. Кабышев, В. Т. Психология власти: механизм реализации и ответственности // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. — Саратов : Изд-во СГАП, 2010. — С. 193–216.

4. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. — 2012. — № 1. — С. 8–24.

5. Оболонский, А. В. Мораль и право в политике и управлении / А. В. Оболонский. — М. : ИД ГУ ВШЭ, 2006. — 262 с.

6. Цыбулевская, О. И. Профессиональные этические кодексы в российском обществе: правовое измерение / О. И. Цыбулевская, Т. В. Касаева // Вестник ПАГС. — 2012. — № 1. — С. 112–117.

7. Цыбулевская, О. И. Публичная власть: взаимодействие юридической и нравственной ответственности / О. И. Цыбулевская, Т. В. Милушева //

¹ См.: *Третьяков В.* Что-то случится. Фарс как показатель морального износа элит // Российская газета. 2004. 21 дек.

² См.: *Канке В. А.* Этика ответственности. Теория морали будущего. М., 2003. С. 315; см. также: *Цыбулевская О. И., Касаева Т. В.* Профессиональные этические кодексы в российском обществе: правовое измерение // Вестник ПАГС. 2012. № 1. С. 112–117.

³ См.: *Степашин В. С.* К вам — ревизор // Аргументы и факты. 2012. № 9.

Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / Н. И. Матузов, А. В. Малько, В. Т. Кабышев и др.; под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. Саратов : Изд-во СГАП, 2011. – С. 123–138.

References

1. Breiner, P. Max Weber and Democratic Politics. Ithaca-L / P. Breiner.: Cornell University Press, 1996. – pp. 174–175.

2. Cybulevskaja, O. I. Professional'nye jeticheskie kodeksy v rossijskom obshhestve: pravovoe izmerenie [Professional Ethic Codes in Russian Society: Law Dimension] / O. I. Cybulevskaja, T. V. Kasaeva // Vestnik PAGES. – 2012. – № 1. – pp. 112–117.

3. Cybulevskaja, O. I. Publichnaja vlast': vzaimodejstvie juridicheskoi i npravstvennoj otvetstvennosti [Public Authority: Interaction of Juridical and Moral Responsibilities] // P Public Authority: Difficulties of of Realization and Responsibility / O. I. Cybulevskaja, T. V. Milusheva / N. I. Matuzov, A. V. Mal'ko, V. T. Kabyshev and others; under the editorship of N. I. Matuzov, O. I. Cybulevskaya. Saratov : SGAP Publisher, 2011. – pp. 123–138.

4. Kabyshev, V. T. Psihologija vlasti: mehanizm realizacii i otvetstvennosti [Psychology of Power: Mechanism of Realization and Responsibility] // Public Authority: Difficulties of of Realization and Responsibility / under the editorship of N. I. Matuzov and O. I. Cybulevskaja. – Saratov : SGAP Publisher, 2010. pp. 193–216.

5. Matuzov, N. I. Pravovoj nigilizm kak obraz zhizni [Law nihilism as The Mode of Life] // The Legal Culture. – 2012. – № 1. – pp. 8–24.

6. Obolonskij, A. V. Moral' i pravo v politike i upravlenii [Moral Right in Politics and Management] / A. V. Obolonskij. – M.: ID GU VShJe, 2006. – 262 p.

7. Zatonskij V. A. Pravovaja kul'tura – neobhodimyj resurs modernizacii rossijskoj gosudarstvennosti [Legal Culture as a Necessary Source of Modernization of Russian Statehood] // The Legal Culture. Scientific Magazine. 2012. № 1. P. 31–41.